

Мирное урегулирование споров

Американские бомбардировки Югославии по сути попрали основополагающие принципы и нормы современного международного права и в первую очередь принцип мирного разрешения споров. Важно, чтобы российская дипломатия и наши юристы-международники приложили все усилия для того, чтобы переломить такое положение дел. В этом смысле было бы целесообразно обратиться к "хорошо забытым" механизмам мирного урегулирования споров в рамках ОБСЕ, попытаться их активизировать. Это наряду с другими возможностями этой Организации по предотвращению и урегулированию конфликтов могло бы в перспективе содействовать прекращению кровопролития на Балканах и постконфликтному восстановлению в этом уголке мира. Именно одному из этих механизмов и посвящена очередная статья.

СТОКГОЛЬМСКИЙ "ПАКЕТ" СБСЕ/ОБСЕ¹ ПО МИРНОМУ УРЕГУЛИРОВАНИЮ СПОРОВ (ДЕКАБРЬ 1992 г.).

Ю. А. Я с н о с о к и р с к и й

В декабре 1992 г. Совет министров ОБСЕ собрался в Стокгольме, где принял пакет документов, касающихся общеевропейского режима мирного урегулирования споров: Конвенцию по примирению и арбитражу и примирению в рамках ОБСЕ, Положения о Комиссии ОБСЕ по примирению и Положения о директивном примирении, а также изменения, направленные на улучшение Валлеттской процедуры.

Конвенция по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ

После неудачи с Валлеттской процедурой ОБСЕ предприняла новую попытку в деле создания общеевропейского механизма мирного разре-

шения споров. По инициативе Франции, которая и известна своими оговорками относительно обязательной юрисдикции, был выдвинут проект (получивший впоследствии название “*проект Бадентера*”²) о создании Трибунала по примирению и арбитражу.

Суть “*Проекта Бадентера*” сводилась к тому, что Большая Европа, основанная на ценностях Хельсинкского Заключительного акта и Парижской Хартии, нуждается в установлении в рамках ОБСЕ постоянной юрисдикции, которая призвана предупредить и урегулировать межгосударственные конфликты гибким способом: путем примирения и арбитража. Такая юрисдикция, как считал Бадентер, могла бы создать благоприятные условия для верховенства международного права в Большой Европе, повысить престиж ОБСЕ и избавить европейский континент от новой трагедии, подобной Югославии³.

По завершении в январе 1992 года Пражской встречи Совет министров “*принял к сведению предложения пригласить группу высокопоставленных экспертов в области права из государств—участников СБСЕ для разработки проекта статута органа СБСЕ по примирению и арбитражу, принимая при этом во внимание работу, проделанную... в рамках СБСЕ*” и “*приветствовал намерение предоставить этот проект Хельсинкской встрече в рамках дальнейших шагов*”⁴.

Выработка Конвенции прошла несколько крупных этапов. В феврале-марте 1992 г. группа из двенадцати международных экспертов была приглашена в личном качестве Робером Бадентером. Она подготовила проект конвенции, предусматривающей обязательную примирительную и факультативную арбитражную процедуры. Внесенный на Конференции по обзору в Хельсинки как франко-немецкий проект, текст был доработан пятнадцатью государствами-участниками, включая и Россию⁵. Вопрос был обсужден в рамках неформальной рабочей группы открытого состава 11—22 мая 1992 г. на Конференции по обзору в Хельсинки⁶. Группе не удалось достичь консенсуса по проекту Конвенции. Ряд государств заявили о своих оговорках относительно придания общеевропейскому механизму мирного разрешения споров обязывающего характера (США, Великобритания, Турция) или высказались о неуместности создания новых институтов (Нидерланды, Норвегия, Швеция, Португалия)⁷. В целях противодействия принятию проекта Конвенции некоторые страны выдвинули альтернативные проекты, высказываясь за факультативные процедуры по примирению (Великобритания) или “*директивное примирение*” (США). На конференции в Хельсинки было окончательно признано, что достигнут “*существенный прогресс по вопросам, которые касаются создания Примирительно-арбитражной палаты в рамках СБСЕ, усиления Валлеттского механизма и принятия процедуры СБСЕ по примирению, включая директивное примирение, и в отношении которых были представлены соответствующие предложения*”⁸. Впоследствии для “*достижения скорейших результатов*” было решено созвать в Женеве совещание первого этапа в октябре 1992 г. для “*проведения переговоров по комплексу всеобъемлющих и последовательных мер*”⁹, которые могли быть вынесены на утверждение Совета министров в Стокгольме в декабре 1992 года и, в случае необходимости, открыть для подписания¹⁰.

В ходе Женевского совещания по мирному урегулированию споров, которое проходило с 12 по 23 октября 1992 г. состоялось обсуждение проекта этой Конвенции¹¹, которая привела к выработке Конвенции по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ¹². 14 декабря 1992 г. она была официально одобрена Советом министров в Стокгольме¹³.

Текст данной Конвенции вызывает ряд замечаний. Во-первых, Стокгольмская конвенция установила *субсидиарный режим по отношению к уже существующим международным инструментам*, как это вытекает из ст. 19, озаглавленной: “Сохранение существующих средств урегулирования”. Как отмечается в ее преамбуле, Конвенция ни в коей мере не направлена против других существующих институтов или механизмов, в том числе Международный Суд, Европейский суд по правам человека, Суд Европейских Сообществ и Постоянную палату третейского суда¹⁴, не говоря о режиме Европейской конвенции о мирном урегулировании споров, заключенной 29 апреля 1957 г. под эгидой Совета Европы.

Во-вторых, установленный Стокгольмской конвенцией режим не имеет *никаких юридических и политических последствий*. В действительности, если примирительная процедура может быть запущена в результате предоставления в одностороннем порядке заявления, то ее результаты не носят обязывающего характера¹⁵. И наоборот, арбитражная процедура завершается принятием решений, имеющих обязательный характер¹⁶, но может быть запущена только в результате соглашения *ad hoc* или на основе одностороннего заявления¹⁷. К этому следует еще добавить, что факультативная декларация об обязательном арбитраже может исключать, как в Валлеттской процедуре, споры, касающиеся вопросов, которые затрагивают территориальную целостность, национальную безопасность, суверенное право на национальную территорию или одновременные притязания на то, что касается юрисдикции на другие районы¹⁸.

В-третьих, Суд по примирению и арбитражу *представляет собой легковесную структуру*. Он больше похож на Постоянную палату третейского суда, чем на Международный суд. В действительности, примирительная процедура осуществляется путем учреждения для каждого спора примирительной комиссии и арбитражная соответственно — Арбитражного трибунала, который также создается для каждого конкретного спора. Таким образом, Суд по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ представляет собой совокупность мировых посредников и арбитров¹⁹.

В-четвертых, юрисдикция, предусмотренная Стокгольмской конвенцией, не является органом ОБСЕ, но *Судом, созданным в “системе” органов ОБСЕ*. При этом под ее действие подпадают лишь те государства, которые взяли на себя вытекающие из нее обязательства²⁰. Далее расходы по деятельности Суда распределяются исключительно между сторонами на основе Финансового протокола²¹. И, наконец, никакое из положений не дает права Палате давать консультативные заключения²². Однако более или менее сохраняется связь с политическими органами ОБСЕ. Секретариат Суда должен представлять через КСДЛ/РС Совету министров свои ежегодные доклады о деятельности, а секретарь Суда обязан информировать Секретарит ОБСЕ о любой просьбе о примире-

нии или арбитраже по системе срочной связи государств ОБСЕ²³. Предложения о поправках, сформулированные государством-участником, были сообщены Швецией как депозитарием данной Конвенции Секретариату ОБСЕ²⁴. Более существенные поправки к Конвенции, а также к Финансовому протоколу должны пройти через процедуру консенсуса в Совете министров ОБСЕ²⁵. Государства ОБСЕ, не участвующие в Конвенции, также могут использовать ее, если нет противоположного мнения²⁶.

Будучи открытой для подписания 15 декабря 1992 г., т. е. в ходе самого заседания Совета министров в Стокгольме, Конвенция по примирению и арбитражу в рамках ОБСЕ вошла в силу 5 декабря 1994 г.²⁷, а в апреле 1995 г. состоялось открытие штаб-квартиры Суда в Женеве.

В отличие от механизма Валлетты, который, по справедливому замечанию Алена Пелле, “*со всей очевидностью был направлен на то, чтобы не быть примененным*”²⁸, режим, предусмотренный Стокгольмской конвенцией, обладает определенной реальной силой и эффективностью. Он образует примирительную процедуру с *более широким толкованием*, с обязательным характером на стадии принятия решения и применим как к *многосторонним*, так и к *двусторонним* спорам²⁹.

Говоря о значении самой Конвенции, важно подчеркнуть, что это, по сути, первый по-настоящему юридический текст, появившийся в рамках политической по характеру организации, которой является ОБСЕ, вступившей в новый этап своей эволюции.

Факультативная и директивная примирительные процедуры

В ходе Конференции по обзору в Хельсинки были выдвинуты две инициативы: британская, которая предусматривала факультативную процедуру примирения, и американская, направленная на выработку “директивно” примирительной процедуры. В соответствии с решением Женевского совещания по мирному урегулированию споров (октябрь 1992 г.) эти два предложения были утверждены на заседании Совета министров в Стокгольме в декабре 1992 г.

В результате появилось два документа: “*Положения о Комиссии СБСЕ по примирению*”³⁰, за основу которого было положено английское предложение, и “*Положения о директивном примирении*”³¹, соответственно американского происхождения.

Целью первого документа было дополнить процедуру Валлетты процедурой, в соответствии с которой спор может быть передан на рассмотрение примирительной процедуры, созданной на основе компромисса *ad hoc* или в результате поданной в одностороннем порядке жалобы в том случае, когда стороны в споре сделали соответствующие заявления по признанию процедуры примирения³².

Эта процедура, несомненно, намного проще процедуры Валлетты. Однако она не представляет собой никакого прогресса в отношении последней. Как и процедура Валлетты, “*Положения о Комиссии СБСЕ по примирению*” не предусматривают создание постоянного органа³³. К тому же она не имеет обязательного действия для сторон в споре и не может быть применена к многосторонним спорам. В некотором смысле, эта процедура является определенным отступлением от режима Валлет-

ты: с одной стороны, она действительно не является обязательной на стадии юридического рассмотрения; с другой, одностороннее заявление о согласии на процедуру примирения может иметь бесчисленное количество оговорок. Правда, текст, принятый в Стокгольме содержал два несколько оригинальных положения. Первое указывает на то, что, если в течение некоторого срока доклад Комиссии по примирению не принимается обеими сторонами в споре, то он может быть передан КСДЛ/РС директором ЦПК³⁴ без уточнения возможных последствий такой передачи³⁵. Второе предусматривает (независимо от того, приняла ли Комиссия на рассмотрение данный спор или нет), что *“государство-участник может в любое время, либо до или после того, как спор был передан на рассмотрение Комиссии, заявить либо в общем порядке или в связи с конкретным спором о том, что оно будет считать обязательными, на условиях взаимности, любые условия урегулирования, предложенные Комиссией”*³⁶.

Что же касается *“Положений о директивном примирении”*, то они, будучи разработанными на основе американского предложения, представляют собой довольно оригинальный документ. В соответствии с ним, разрешается Совету министров или КСДЛ/РС *“предписать”* двум любым государствам—участникам ОБСЕ прибегнуть к примирению для того, чтобы это помогло им разрешить спор, который им не удалось урегулировать в разумные сроки³⁷. Здесь присутствует принуждение в том смысле, что *“директивное”* решение по процедуре примирения принимается без двух государств-участников данного спора³⁸. Другими словами, процедура директивного примирения позволяет принимать решения на основе *“консенсус минус два”*. Однако свобода действий Совета министров и КСДЛ/РС не является полной. Ни один из вышеупомянутых органов не может предписывать процедуру примирения в ряде случаев:

— во первых, если спор рассматривается в рамках других процедур мирного урегулирования;

— во-вторых, если принимается способ мирного урегулирования вне ОБСЕ, включая и переговоры;

— и, наконец, в-третьих, что более существенно, если стороны в споре прибегнут к исключениям, предусмотренным режимом Валлетты: *“территориальная целостность, национальная оборона и право на суверенитет над территорией суши или одновременных притязаний на юрисдикцию над другими районами”*³⁹.

По примеру Валлеттской процедуры и процедуры, предложенной Великобританией, механизм, касающийся *“директивного примирения”*, не имеет принудительного действия и не распространяется на многосторонние споры. Кроме того, он не создает новой процедуры: Совет министров и КСДЛ может *“обязать”* в каждом конкретном случае применять либо процедуру, предусмотренную *“Положениями о Комиссии СБСЕ по примирению”*, либо процедуру примирения в соответствии с Стокгольмской конвенцией⁴⁰.

Принимая Стокгольмский *“пакет”*, Совет министров подчеркнул, что он (Имеется в виду Стокгольмский *“пакет”* — Я. Ю.) *“не будет затрагивать целостность принципов СБСЕ или право государств-участ-*

ников поднимать в рамках процесса СБСЕ любые вопросы, касающиеся осуществления любого из обязательств СБСЕ, относящихся к принципу мирного урегулирования споров, или любого другого обязательства или положения СБСЕ⁴¹. Было также уточнено, что процедуры мирного урегулирования споров в рамках ОБСЕ будут пересмотрены на Конференции по обзору в Будапеште в 1994 году и затем, по мере необходимости, будут объектом периодического рассмотрения в дальнейшем⁴².

* *

Сегодня, когда американские бомбардировки по сути поправили основополагающие принципы и нормы современного международного права и в первую очередь принцип мирного разрешения споров, важно, как представляется, чтобы российская дипломатия и наши юристы-международники приложили все усилия для того, чтобы переломить такое положение дел. В этом смысле было бы целесообразно обратиться к “хорошо забытым” механизмам мирного урегулирования споров в рамках ОБСЕ, попытаться их активизировать. Это наряду с другими возможностями этой Организации по предотвращению и урегулированию конфликтов⁴³ могло бы в перспективе содействовать прекращению кровопролития на Балканах и постконфликтному восстановлению в этом уголке мира.

---

¹ В декабре 1994 г. СБСЕ было переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ).

² Робер Бадентер — политический деятель, друг ныне покойного Президента Франции Ф. Миттерана. В тот период занимал пост Председателя Консультационного Совета Франции и Председателя арбитражной комиссии Международной конференции по бывшей Югославии под эгидой ЕС.

³ Робер Бадентер изложил свои идеи в двух коротких статьях в “Монд” (“Pour une Cour de la Grande Europe”, *Le Monde* du 21 juin 1991 и “Pour une Cour europeenne de conciliation et d'arbitrage”, *Le Monde* du 25 juin 1992), в интервью в “Либерасон” от 4 октября 1991, а также во время Конференции “Европа права” (см.: *Journal europeen de droit international*, vol. 4, p. 1, 1993, pp. 15—23. Более подробно об эволюции “проекта Вадентера” см.: Alain Pellet, “Notes sur la Cour de Conciliation et d'arbitrage de la CSCE”, *La CSCE. Dimension humaine et reglement des differends*, sous la direction d'Emmanuel Decaux et Linos-Alexandre Sicilianos, Paris, Montchrestien, 1993 (“Cahiers du CEDIN”, 8), pp. 189—217.

⁴ Пражское совещание Совета СБСЕ (30—31 января 1992 г.). Резюме выводов, п. 21. Это предложение было выдвинуто Францией и Германией.

⁵ CSCE/HM/WG1/2 du 9 avril 1992 (note d'orientation) et CSCE/HM/6 du 3 juillet 1992 (text de la proposition).

⁶ См.: “Non-Paper” 22 may 1992, “*Informal Open-Ended Working Group on Peaceful Settlement of Disputes: Chairman's Report to WG I*”.

⁷ Другими выводами, высказываемыми против проекта Конвенции, были: искажение природы ОБСЕ, которое может быть вызвано введением чисто юридических механизмов в политические процессы, образование двух категорий членов *de facto* (тех, кто подписали Конвенцию, и тех, кто нет), бесконечное дублирование функций уже существующих юридических органов (Международный Суд или Постоянная Палата Третейского Суда) и, наконец, значительные

расходы на функционирование нового органа (см.: Tanja, *op. cit.*, pp. 27—28 et Pellet, *op. cit.*, pp. 195—198).

⁸ Хельсинкские решения 1992, Глава III, п. 58.

⁹ Там же, п. 61. Также указывалось, что Совет министров и КСДЛ “могли бы играть важную роль, в частности, поощряя более широкое использование примирения” (см.: п. 60).

¹⁰ Там же, п. 62.

¹¹ Проект Конвенции в Женеве был предложен той же группой государств, что и раньше в Хельсинки, помимо трех: Испании, Португалии, Армении; *см.: CSCE/RPDG.2/Rev. 1 du 17 octobre 1992 et Add. 1 du 21 octobre 1992 et Add. 1 du 21 octobre 1992).

¹² См.: CSCE/RPDG/Dec. 2 du 23 octobre 1992. На завершающей стадии Совещания Великобритании от имени ЕЭС, как это имело место с Люксембургом на Совещании экспертов в Ла-Валетте (См.: Journal n/ 19 du 8 levier 1991, p. 3), распространила интерпретационное заявление, в котором, в частности, уточняется, что “все споры, которые соответствуют вопросам, относящимся к компетенции Сообщества, остаются вне области применения различных процедур, договоренность о которых достигнута на данном Совещании”. Отстаивая ту точку зрения, что Сообщество не имеет статус государства—участника ОБСЕ, США, с свою очередь, не принимает такую интерпретацию ЕЭС, “которая пытается приуменьшать обязанности и обязательства государств-участников, рассматривая изолировано участвующее в СБСЕ ЕЭС” (см.: Journal n. 10 (23 octobre 1992) de la Reunion de Geneve sur le reglement pacifique des differends, pp. 4—5). Турция заняла ту же позицию, выступила с интерпретационным заявлением аналогичного содержания во время открытия подписания Стокгольмской конвенции (см.: Journal n. 1 (*14 decembre 1992) du Conseil ministeriel de Stockholm, point 7 a.

¹³ См.: le Journal, n. 1 (14 decembre 1992) du Conseil ministeriel de Stockholm, la Section 4 des Decisions du Conseil ministeriel de Stockholm et l'Abbe 2 a ka Decision relative au reglement pacifique des differends (CSCE/3-C/Dec. 1 du 14 decembre 1992). На следующий день действующий Представитель объявил, что Конвенция открыта для подписания. См.: le Journal n. 2 (15 decembre 1992) du Conseil ministeriel e Stockholm, point 7b.

¹⁴ Стокгольмская конвенция, преамбула, п. 4.

¹⁵ Создание комиссии по примирению может быть потребовано в результате подачи односторонней жалобы (ст. 22, п. 1) или в результате разглашения между сторонами (ст. 22, п. 4). В этих двух случаях заключение комиссии не обязательно (ст. 25, пп. 3 и 4).

¹⁶ Слово “арбитражный” является определяющим и не подлежащим обжалованию, но может быть объектом иска по интерпретации или по пересмотру (ст. 31, пп. 3 и 4).

¹⁷ Стокгольмская конвенция, ст. 26, п. 1 и 2.

¹⁸ Там же, ст. 26, п. 2. Это положение было сохранено благодаря изначальным усилиям английской делегации, направленным по возможности на большее сокращение области общего применения Конвенции (см.: Pellet, *op. cit.*, p. 211). По этому поводу было замечено, что Стокгольмская конвенция “не может быть объектом какой-либо оговорки, которая не разрешала бы недвусмысленно” (ст. 34), на что направлены ст. 26 п. 2, упомянутые выше, и ст. 19 п. 4 (положения, разрешающие государствам делать государствам в момент подписания, ратификации или присоединения оговорки относительно обеспечения совместимости механизмов, предусмотренных Конвенцией, с другими механизмами мирного урегулирования споров, которые являются результатом международных обязательств, заключенных вышеназванными государствами.

¹⁹ Стокгольмская конвенция. — С. 2, п. 3.

²⁰ Предусмотренной ст. 38 Стокгольмской конвенции, принятой под давлением США, подтверждается, что “в соответствии с международным правом, никакое из положений настоящей Конвенции не должно интерпретироваться как создающее какие-то ни было обязательства для государств—участников СБСЕ, которые участвуют в Конвенции, если они точно не предусмотрены и не приняты государствами в письменной форме”. См. ст. 34 Венских конвенций о праве договоров 1969 и 1986 гг.

²¹ Предусмотренный ст. 134 Стокгольмской конвенции протокол по финансовым вопросам, который подготовлен специальным неформальным комитетом открытого состава и утвержден КСДЛ в апреле 1993 г. (См.: le Journal n. 10 (23 octobre 1992) de la Reunion de Geneve sur le reglement pacifique des differends (decision 5 c), le Journal n 2 (6 novembre 1992) de la 17-e Reunion du CHF (decision 5 d) et le Journal n. 3 (28 avril 1993) de la 21-e Reunion du CHF (decision 5 m et Annex 4), а также: CSCE Communication n. 430 (23 decembre 1992), n. 11 (12 janvier 1993), n. 42 (2 fevrier 1993), n. 59 (23 fevrier 1993 et Add. 1) et n. 80 (11 mars 1993). Более подробно о процессе выработки Протокола см.: Pefflet, *op. cit.*, pp. 201—202.

²² В ст. 30 проекта Конвенции, представленного на Совещании в Женеве, разрешалось Палате по просьбе Совета министров и КСДЛ давать консультативные заключения. Против этого решительно выступила делегация США (см.: Caflisch, *op. cit.*, pp. 16—17 и Pellet, *op. cit.*, p. 197). Данное положение было окончательно снято и вопрос был передан на рассмотрение КСДЛ, которое, в прочем, завершилось безрезультатно (см.: le Journal n. 10 (23 octobre 1992) de la Reunion de Geneve sur le reglement pacifique des differends (decision 5a).

²³ См.: ст. 15 Стокгольмской конвенции. Результаты процедуры относительно каждого спора должны быть доведены до сведения ОБСЕ (ст. 25, пп. 5 и 32 Конвенции).

²⁴ См.: ст. 35 п. 2 Стокгольмской конвенции. Уведомления и сообщения депозитария направляются в Секретариат ОБСЕ и в канцелярию Палаты (ст. 37).

²⁵ См.: ст. 35 п. 3 Стокгольмской конвенции и ст. 13 Протокола по финансовым вопросам.

²⁶ Было также оставлено положение о том, что примирение и арбитраж возможны в результате соглашения между одним или несколькими государствами—участниками Конвенции и одним или несколькими государствами, не участвующими в ней (ст. 20, п. 3 и ст. 26 п. 1 Стокгольмской конвенции). См. также ст. 2 п. 3 Протокола по финансовым вопросам.

²⁷ По состоянию на июнь 1996 г. она была подписана 35 государствами, в 21 из которых она была ратифицирована (Россия подписала данную Конвенцию, но не ратифицировала). Четыре государства (Дания, Финляндия, Швеция, Греция) в соответствии со ст. 26, п. 2, выступили с факультативными заявлениями о принятии обязательного арбитража. Шесть государств—участников Конвенции (ФРГ, Дания, Лихтенштейн, Польша, Швейцария и Австрия) в соответствии со ст. 19, п. 4 сделали оговорки, которые подтверждали совместимость механизма, институтируемого Стокгольмской конвенцией, с другими механизмами и процедурами мирного урегулирования споров, вытекающих из других соблюдаемых обязательств вышеназванных государств (См: INF/260/95 24 november 1995).

²⁸ См.: Pellet, *op. cit.*, p. 196.

²⁹ См.: ст. 20, п. 1 и ст. 28, п 2 Стокгольмской конвенции. По мнению Пелле, это нововведение объясняется тем фактом, что составители Конвенции руководствовались пониманием того, что проблемы, касающиеся правопреемства, в первую очередь, в республиках бывшей Югославии и в государствах СНГ, могут быть решены на многосторонней основе.

³⁰ См.: CSCE/3-C/Dec. 1, Annexe 3, du 14 decembre 1992. Для того, чтобы проследить эволюцию британского предложения, см. также: Приложения 3 и 4

неформальной группы по мирному урегулированию споров, Доклад председателя Рабочей группы 1 ("Non-Paper", 22 may 1992) и CSCE/RPDG 1/Rev. 1, 19 october 1992.

³¹ См.: CSCE/2-C/Dec. 1, Annexe 3, du 14 decembre 1992. См также последующие версии данного документа, включающие основные предложения (CSCE/HM/WG1/11 du 15 juin 1992 et CSCE/PRDG.3/Rev. 3 du 22 octobre 1992).

³² "Положения, касающиеся комиссии по примирению СБСЕ", Разделы I—III.

³³ Комиссия по примирению, секретарем которой является директор ЦПК, является органом *ad hoc*, создаваемым для каждого конкретного спора на основе списка экспертов, которые предусмотрены режимом Валлетты.

³⁴ "Положения, касающиеся комиссии по примирению СБСЕ", Разделы V и XVII

³⁵ Caflishc, *o. cit.*, p. 31.

³⁶ "Положения, касающиеся комиссии по примирению СБСЕ", Раздел XIV.

³⁷ "Положения относительно обязательного примирения", п. 1.

³⁸ "Стороны в споре могут осуществлять свое право участвовать во всех обсуждениях Совета или КСДЛ, касающихся спора, но они не принимают участие в принятии решения Советом или КСДЛ, предписывающим им примирение (...)" (там же, п. 4).

³⁹ Там же, п. 5. Относительно этого положения Турция выступила с интерпретационным заявлением, в котором уточняется формулировка "юрисдикция над другими районами" как "юрисдикция над морскими районами" (см.: *le Journal* n. 1 (du 14 decembre 1992) du Conseil ministeriel de Stockholm, point 7 b.

⁴⁰ Там же, пп. 2 и 3.

⁴¹ Третья встреча Совета СБСЕ (Стокгольм, 1992 г.). Решение по мирному урегулированию споров, п. б.

⁴² CSCE/3-C/Dec. 1, paragraphes 6 et 7. На Конференции по обзору в Будапеште 1994 г., позже на Конференции по обзору в Вене 1996 г. не было принято ничего нового в области мирного урегулирования споров. Однако, начиная с 1998 г., работа над механизмами мирного разрешения споров, в частности над "активизацией" Суда по примирению и арбитражу, ведется в рамках Комитета по модели европейской безопасности.

⁴³ Это важно и потому, что бомбардировки Югославии и события в Косово происходят непосредственно в зоне ответственности ОБСЕ. К тому же США и их союзники являются государствами—участниками этой Организации, что позволяет использовать ОБСЕ как канал для продвижения российских мирных инициатив.

Статья поступила в редакцию в апреле 1999 г.